
Александр АНДРЕЕВ
Наполеон
В РОССИИ И ДОМА
«Я – Бонапарт и буду драться до конца!»

Александр Радьевич Андреев
Максим Александрович Андреев

Наполеон в России и дома. «Я – Бонапарт и буду драться до конца!»

Серия «Эти невозможные люди»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=605955
Наполеон в России и дома Я – Бонапарт и буду драться до конца!:

Аннотация

На острове Святой Елены Наполеон писал о войне 1812 года: «Эта роковая война с Россией, в которую я был вовлечен по недоразумению, эта ужасная суровая стихия, поглотившая целую армию, вся вселенная, поднявшаяся против меня!» Он говорил, что Александр Македонский, Ганнибал, Юлий Цезарь стали великими не потому, что им служило счастье, а потому, что эти великие люди сами умели овладеть счастьем! «Не гений мне внезапно открывает, что нужно сделать в каких-то обстоятельствах, неожиданных для других, а собственное размышление». Народ Европы понял, что все решают не только коронованные особы в роскошных дворцах. С 1815 года многое в истории человечества пошло по-другому. Казалось, после 1821 года многие европейские монархи могли больше не волноваться. Впереди были многие спокойные годы династической жизни. Впрочем, многие современники замечали, как монархи и государи вздрагивали и бледнели, когда вдруг из глубины десятилетий до них доносились эти гулкие и безупречные слова: «Франция… армия… авангард…»

Содержание

Атака трех императоров 4
Часть I 9
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Александр Андреев, Максим Андреев Наполеон в России и дома "Я – Бонапарт и буду драться до конца!"

Атака трех императоров

Три гасконских маршала шли к мосту. На солнце блистали шитые золотом мундиры, ветер развевал на киверах трехцветные плюмажи. Без охраны, без свиты они подошли к предмостному укреплению. Австрийцы не стреляли. У них был приказ при атаке взорвать этот единственный мост через Дунай. Атаки не было, и мост не взлетел в воздух. Французы представились парламентерами и их пропустили к командиру охранявшего этот важнейший стратегический пункт отряда. Гасконцы подошли к австрийскому генералу и представились: «Мюрат, Ланн, Бертран». Вся Европа уже знала наполеоновских маршалов в лицо, и князь Ауэрсперг радушно и удивленно поздоровался с французами. Они заявили, что в войне между Францией и Австрией заключено перемирие. Австриец никогда не разговаривал сразу с тремя знаменитыми на всю Европу героями Наполеона. Его солдаты у моста во все глаза смотрели на эту удивительную сцену, радуясь окончанию войны. Завязалась оживленная беседа. Внезапно и бесшумно батальон Старой гвардии Наполеона выскочил из кустов около предмостья и в несколько секунд беспрепятственно занял мост. Австрийцы даже не успели взяться за оружие.

Когда ликующие маршалы доложили Наполеону об этом изумительном штурме, он поверил не сразу. Император Франции находился в очень сложном положении. Несмотря на разгром австрийской армии Мака в Ульме, когда только пленными французы взяли более шестидесяти тысяч солдат, эта, в очередной раз потрясшая Европу победа Наполеона, не определила исхода войны. На левом берегу Дуная стояла союзная Австрии пятидесятитысячная русская армия М. Кутузова. Со всей Австрийской империи к только что взятой французами Вене шли свежие войска. Вот-вот в войну с Францией должна была вступить Пруссия и ее уже отмобилизованная армия в течение нескольких дней должна была присоединиться к союзу Англии, Австрии и России. Взятие Вены французами совпало с потрясшим Наполеона и всю Европу событием. 21 октября 1805 года у Кадикса при мысе Трафальгар английский флот в сумасшедшем морском сражении разнес французские эскадры. Командующий англичанами адмирал Г. Нельсон погиб в этой страшной морской битве, но его победа имела огромное значение для всех наполеоновских войн. Англия, почти с ужасом ждавшая прыжка через пролив французской армии из булонского лагеря, становилась недосягаемой для Франции и могла бросить все силы на Бонапарта. Европейские газеты тут же объявили о том, что военное счастье от французов перешло к союзникам. Европа заговорила о том, что впервые императорские знамена с римскими орлами начали клониться к земле. Наполеону снова нужна была оглушительная победа, иначе он опять мог потерять все достигнутое в десятилетних войнах.

Императору Франции часто противостояли превосходные силы. Император не любил повторяться, но почти всегда стремился молниеносно разбить противника по частям. Против стотысячной французской армии вот-вот могли встать почти полмиллиона солдат союзной коалиции. М. Кутузов, блистательный генерал суворовской школы, прекрасно понимал замысел Наполеона. Он искусно маневрировал и уклонялся от навязываемой императором битвы на неудобных для русских позициях, где одного русского солдата могли атаковать чуть ли не трое французов.

Кутузов сумел отойти с армией на левый берег Дуная. Армия Наполеона стояла на его правом берегу, у Вены, и шансы ее вырваться из окружения таяли с каждым днем. Захват единственного моста через Дунай давал Наполеону обладание левым берегом, и это почти неизбежно губило русскую армию.

В тот же день после захвата стотысячная наполеоновская армия перешла через не взорванный мост и атаковала русских. Сорокатысячная армия Кутузова, ожесточенно отбиваясь, отказывалась на север. В заслонах, выставляемых Кутузовым, погиб каждый третий воин кутузовской армии. Русские арьергарды знали, что обречены на истребление. Их можно было уничтожить, но нельзя сломить. Французские офицеры говорили, что сражаются с яростными призраками.

Кутузов избежал капитуляции, совершил четырехсоткилометровый марш и привел поредевшую армию в Ольмюц, где его ждали австрийский император Франц и российский император Александр. Из России подошли подкрепления во главе с гвардией, и количество русских войск почти удвоилось. У австрийского императора было около пятнадцати тысяч солдат. Количество войск коалиции почти сравнялось с французами и Александр с Францем решили дать генеральное сражение, не дожидаясь остальных австрийских подкреплений и прусских войск. У Наполеона появился шанс и он его не упустил. Император Франции показал, что он страшится генерального сражения. Он послал к Александру своего генерал-адъютанта Савари с предложением о мире и просьбой о личном свидании. В русском лагере приближенные царя, полные военные невежества, начали ликовать, заявляя, что Бонапарт струсил. Кутузов, единственный настоящий военачальник у союзников, понимал, что русскую армию с таким руководством и в такой ситуации ждет полный разгром. Он предложил императорам уклониться от генерального сражения и подождать подкрепления. Вся полнота власти принадлежала Александру, который заявил, что теперь не выпустит Наполеона из рук. Его любимец молодой генерал-адъютант князь Долгоруков был послан к Наполеону договариваться о мире. Император Франции сделал вид, что смущен и миролюбив. Долгоруков нагло заявил, что Франция должна отдать все завоевания и вернуться к ее естественным границам. Наполеон смиренно выслушал заносчивого генерала и с трудом произнес, что не может согласиться на эти условия. Долгоруков доложил императорам Александру и Францу о неуверенности и робости Наполеона, о его боязни сражения. Бонапарт был в восторге и сказал своим маршалам: «Этот молодой вертопрах разговаривал со мной как с русским боярином, ссылаемым в Сибирь».

На союзном военном совете было решено напасть на слабого и растерявшегося Наполеона и покончить с ужасом королевских династий Европы. Генерал-квартирмейстер австрийской армии Вейротер, почему-то считавшийся военным теоретиком, зачитал свою диспозицию генерального сражения. В педантичной диспозиции было перечислено все до мелочей. Не было одного, главного. Документ не содержал ни одного слова о возможных действиях французов. Наполеон десять лет одерживал удивительные победы. Он всегда был непредсказуем. Его войска никогда не стояли на месте, но атаковали, перемещались, маневрировали. Об этом знали все военные, но союзные императоры, не имевшие понятия о стратегии и тактике, почему-то считали, что французы будут стоять на месте и ждать, пока их будут убивать. Возражения Кутузова с трудом были выслушаны. «Баловни судьбы» из окружения Александра I назвали великого полководца отсталым и старомодным. Его пожалели – старик Кутузов из-за преклонного возраста уже не понимает очевидных вещей. Армия Бонапарта была в мышеловке, и ее оставалось просто раздавить. Для этого не нужно ждать подкреплений, нужно добивать испуганного Наполеона.

Два дня перед сражением Бонапарт изучал поле будущей битвы у Праценских высот, в ста двадцати километрах к северу от Вены. Вечер 1 декабря 1805 года император, как обычно, провел среди своих солдат, рассказывая им о предстоящем сражении. Его воины любили своего «маленького капрала».

2 декабря 1805 года к западу от деревни Аустерлиц для Наполеона в зимнем тумане вставало его солнце. Император и все его лучшие маршалы встали во главе войск. Правым флангом командовал Даву, центром – Сульт, левым флангом – Ланн. За ним стояла конница Мюрата. Наполеон просчитал, что русско-австрийская армия будет стараться отрезать его войска от Дуная и Вены, окружить, загнать в горы и уничтожить. Семьдесят тысяч французских солдат стояли неподвижной и нескончаемой линией. Союзная армия спустилась с Праценских высот и двинулась в бой. Почти девяносто тысяч русских и австрийцев атаковали французов. Наполеон отодвинул и сдвинул к центру свой левый фланг и конницу. Союзники сгрудились на правом фланге французов и Даву с боями, медленно, начал отступать в Гольдбахскую долину. Русские войска оставили Праценские высоты и устремились за Даву. Наполеон отдал приказ и Сульт с главными силами атаковал ослабленный центр союзников. Французы ворвались на Праценские высоты, прорвали русский фронт и рассекли союзную армию пополам. Левый фланг французов во главе с Ланном атаковал русских в Гольбахской долине. Мюрат обошел их с юга. Даву прекратил притворное отступление и начал контратаку. Русские войска были раздавлены и отброшены к замерзшим прудам. Наполеон тут же это заметил. Французские ядра разнесли лед и прямо в полыньи начали отступать яростно отбивающиеся русские полки. Отчаянно-бешеная атака русских кавалергардов, попытавшихся спасти своих гибнущих братьев по оружию, была быстро блокирована и конные кирасиры наполеоновской гвардии почти целиком вырубили цвет гвардии российской. Русские батальоны истреблялись картечью, уходили под лед, попадали в плен. Оказалось, что Наполеон ведет битву не в соответствии с диспозицией Вейротера. Кто бы мог подумать? Управление боем было потеряно, русские войска перемешались, связь между ними была нарушена, вернее ее просто не было. В хаосе яростной битвы погибала русская армия. Французы были поражены стойкостью и мужеством русских солдат и офицеров. Не менее они были удивлены полному военному невежеству руководства союзников. Они еще не знали, что русские генералы вынуждены были выполнять диспозицию Вейротера, а Кутузова лишили всякой инициативы.

Императоры Александр и Франц первыми побежали с поля битвы. Их тут же бросили почти все приближенные, впоследствии, конечно, прощенные. Несколько дней императоры отчаянно убегали от теоретического плена. Александр, как обычно, плакал. Франц побежал договариваться к Наполеону.

Аустерлицкое сражение длилось весь световой день, от восхода до захода солнца. 15 000 русских и австрийцев были убиты или ушли под лед. В плен были взяты 20 000 союзников, вся артиллерия и колоссальные обозы с боеприпасами и продовольствием. Французы потеряли около 8 000 человек.

«Битва трех императоров» потрясла Европу. 3 декабря французской армии был прочитан приказ императора: «Солдаты! В день Аустерлица вы сделали все, чего я ждал от вашей храбрости. Вы украсили ваших орлов бессмертной славой. Армия в сто тысяч человек под начальством русского и австрийского императоров меньше чем в четыре часа была разрезана и рассеяна. Те, которые ускользнули от вашего меча, утонули в озерах. Солдаты! Вам достаточно будет сказать: я участвовал в битве под Аустерлицем, и сразу же скажут – вот храбрец!»

Император Франц заявил императору Александру, что продолжать войну невозможно. Через два дня после битвы Франц приехал к императору Наполеону просить о мире. Для

начала Бонапарт потребовал, чтобы Франц отказался от титула императора Священной Римской империи германской нации. Тысячелетняя империя рухнула в одночасье. Францу, правда, милостиво разрешили остаться императором Австро-Венгрии.

Император Александр сразу же в поражении обвинил блистательного Кутузова. Он запретил сообщать об Аустерлице в России. Все газеты глухо молчали. Не молчали родственники тысяч погибших русских воинов.

В Англии, союзной Австрии и России, были потрясены Аустерлицем. Главный враг Наполеона премьер-министр Вильям Питт не выдержал нервного потрясения и умер через полтора месяца после битвы.

Наполеон был на вершине славы. Его армия приняла окончательный вид. Теперь ее официально называли «Великой армией». Она была разделена на несколько больших корпусов во главе с маршалами. В семи корпусах было около двухсот тысяч солдат. Пехотные корпуса были усилены полковыми пушками и кавалерийскими эскадронами. Полевая артиллерия и кавалерия стали отдельными родами войск. Во главе пятидесяти тысяч всадников был поставлен маршал Мюрат. Наполеон в любой момент мог бросить всю кавалерию и артиллерию на помощь любому из корпусов, каждый из которых сам был отдельной армией. Отдельным родом войск стала гвардия императора, в которую брали только храбрецов, особо отличившихся в бою. Начинавшаяся с семи тысяч солдат, гвардия состояла из пеших и конных полков гренадер и егерей, нескольких эскадронов жандармов и мамелюков. Многих своих гвардейцев Наполеон знал в лицо. При повышении положительным критерием являлась молодость. Каждый солдат знал, что в его ранце лежит маршальский жезл. В армии были запрещены телесные наказания. Солдаты сами товарищеским судом судили струсивших товарищей.

Наполеон собрал вокруг себя талантливейшую плеяду военных героев. Все они быстро мыслили, разбирались в обстановке, принимали решения, обладали интуицией, могли выйти из безвыходного положения. Маршалы понимали Наполеона мгновенно и могли сами решать многие тактические проблемы. Они были самостоятельны и инициативны в бою. Бертье, Бессьер, Богарне, Брюн, Виктор, Груши, Даву, Дезе, Дюрок, Жерар, Жюно, Клебер, Ланн, Макдональд, Массена, Мармон, Мортье, Мюрат, Ней, Ожеро, Орнано, Рапп, Сен-Сир, Сульт, Удино – их называли «железной когортой Бонапарта». Клебер лег в Египте, Дезе спас Наполеона при Маренго, Ланн получил ядро в грудь под Веной. Ядра разнесли Дюрока и Бессьора. Они были сыновьями крестьян и аристократов, многие начинали службу простыми солдатами. Наполеон гордился ими и всегда в ответственной операции отдавал предпочтение талантам. Во главе созданной им армии и с такими помощниками Наполеон всегда добивался своих целей.

Наполеон, сам член Французского Института, всегда стремился привлечь в правительство ученых. Выдающийся химик Шапталь много лет был министром внутренних дел. Ни одного решения в быстроразвивающейся французской экономике император не принимал без консультаций с учеными. Сам гениальный полководец и государственный деятель, Наполеон ценил и уважал талантливых людей. Его знаменитый приказ: «Ослов и ученых в середину», отданный в битве у египетских пирамид, спас им жизнь. В центр сражавшихся французских каре поставили самое ценное – вьючных животных, каждое из которых несло на себе центнер воды, и ученых, без которых невозможно развитие общества. Наполеон не боялся конкуренции и жадно окружал себя талантливыми людьми. Император не просто собирал таланты, он их искал. Его правительство называли самым способным в Европе. Такое созвездие дарований, которое вокруг себя собрал Наполеон, Франция не знала ни до, ни после его эпохи. Все наиболее важные должности занимали «люди сильного ума».

Гениальность Наполеона только подтверждалась его почти гениальным окружением, множеством талантливых людей в его военной и гражданской администрации.

Со всей Европы в Париж шла огромная контрибуция. Монетный двор столицы Франции во множестве чеканил золотые монеты, на которых было написано: «Французская республика. Император Наполеон I». Наполеон по-царски награждал своих соратников, многие из которых, как и он сам, долгие годы работали по двадцать часов в сутки.

В июне 1812 года вся военная и государственная мощь Французской империи, в которой уже проживала половина европейского населения, обрушилась на Россию. Вся Европа понимала, что от такой атаки нет спасения, нет защиты. Наполеону сто раз сказали, что он может превзойти подвиги Александра Македонского и Юлия Цезаря только тогда, когда заставит Россию подписать нужный ему мир, и лучше всего это сделать в покоренной Москве.

Наполеон верил, что солнце Аустерлица будет светить ему всегда. Оно и светило.

До самого московского зарева.

Наполеон Бонапарт! Почему ты был так уверен, что возьмешь Москву и заключишь мир до вмешательства генералов Мороза и Зимы? Неужели ты не понимал, что никчемный Александр I вынужденно будет должен выставить вместо себя гениального Кутузова? Ты был доволен невыносимо жарким утром 24 июня 1812 года на Немане. В небывалое наступление шли твои любимые большие батальоны и ты был уверен, что их невозможно остановить в открытом сражении. Вот и земля Российской империи.

Все. Началось.

Часть I
Империя против империи

«Кто идет? Франция!» В начале XIX века эти слова звучали от Средиземного до Балтийского моря и от Португалии до Польши. Новому властелину Европы мешала только владычица морей Англия, которая экономически была все еще сильнее Франции. Сухопутная империя в открытом бою не могла победить великую морскую державу и французский лев мог драться с английским китом до бесконечности. Император Франции Наполеон I Бонапарт решил сломать экономику Англии.

Власть императора в Европе была велика, но держалась на силе французских штыков. Несмотря на двадцать лет непрерывных войн, Англия, самый непримиримый враг и самая опасная соперница Франции, сохраняла свое могущество и главенство в европейской торговле и промышленности. В ее колониальной империи никогда не заходило солнце. В борьбе с экономической мощью сила оружия никогда ничего не решала, и Наполеон задумал лишить английскую промышленность рынка сбыта. Это была химера, но Наполеон уже полностью уверовал в свою счастливую звезду, для которой нет ничего невозможного и непреодолимого. Император Франции приказал Европе запереть свои гавани для английских кораблей. После Тильзитского мира 1807 года к континентальной блокаде Англии с явной неохотой присоединилась Россия.

За четыре года блокады экономика Англии не сломалась. Английские торговые корабли под американскими флагами спокойно заходили даже во французские порты. Наполеон прекрасно знал, что именно Англия являлась основным покупателем российских товаров, в огромном количестве вывозя хлеб, шерсть, лен, пеньку. Из тысячи иностранных кораблей, ежегодно выходивших из петербургского порта, больше половины принадлежало Англии. Россия вывозила в два раза больше, чем ввозила и континентальная блокада подрывала всю ее сырьевую экономику. Большая часть денег в страну шла из Великобритании. За время блокады российский рубль ослабел на треть. Дворяне России больше не хотели этого терпеть, и российский император Александр I стал находить в своем кабинете подметные письма, напоминавшие ему о судьбе его убитого отца Павла I. Континентальная блокада в России пошла трещинами. Наполеон понимал, что не Россия была виновна в том, что ему не удалось экономически победить Англию. Несмотря на это, он объявил, что Александр I не выполняет условия мира, и начал готовиться к войне. Победить Россию было теоретически невозможно и Наполеон это прекрасно знал. Он просто хотел превзойти Александра Македонского, Юлия Цезаря, Чингисхана, Тамерлана. Бывший корсиканский лейтенант на некоторый период почти потерял чувство времени, пространства и меры. Он говорил в 1807 году: «Через пять лет я буду господином мира. Остается одна Россия, но я раздавлю ее». Несмотря на сомнения и колебания, чувство неограниченного тщеславия толкало его к войне с единственным союзником, которого было невозможно победить. Александр I заявил французскому послу Коленкуру: «Если Наполеон начнет против меня войну, то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, если мы примем сражение. Но это еще не даст ему мира. За нас необъятное пространство, наш климат, наши ресурсы. Мы не пойдем на риск, и мы сохраним хорошо организованную армию. Я не обнажу шпаги первым, но я вложу ее в ножны последним. Если жребий оружия решит дело против меня, то я скорее отступлю на Камчатку, чем уступлю губернии и подпишу неприемлемый для меня мир».

Главной причиной войны с Россией было стремление Наполеона распространить свое уже и так безмерное могущество. К 1809 году вся Европа представляла собой одну полити-

ческую систему, основанную не на взаимных государственных выгодах, а на личности французского императора. Пример свободной России для вассальных Франции стран не давал Наполеону спокойно спать. Весь 1811 год его мучила бессонница. Император прекрасно понимал, что заблуждается относительно боевых и экономических возможностей России. Уже много лет заслуженное военное счастье кружило ему голову. Наполеон почти забыл, что за двадцать лет его войн из трех миллионов призванных в армию французов уже миллион лег в европейскую землю. Император летел к войне, которая не была вызвана государственными интересами. В этом было много мистики и пресыщенному славой Бонапарту это нравилось. На Европу и Россию неотвратимо накатывался 1812 год.

В числе многих территорий Наполеон присоединил к своей империи герцогство Ольденбургское. Оно считалось под покровительством России, и его независимость обеспечивалась особой статьей Тильзитского мирного договора. Герцоги Ольденбургские происходили от родственной Романовым младшей линии Голштейн – Готторпского дома, а сам герцог был женат на сестре Александра I, возглавившей при дворе антифранцузскую партию. Россия заявила Франции протест и потребовала возврата герцогства. Наполеон сделал вид, что обиделся и конечно отказал.

Франция стала стягивать войска в Северную Германию. Император Французский, король Итальянский, протектор Рейнского союза, властительный союзник Австрии и Пруссии собирал для нашествия на Россию огромную армию. К началу 1812 года под ружьем в наполеоновской Европе стояли один миллион двести тысяч солдат. Половина из них вошли в La grand armee, великую армию, предназначенную для вторжения в Россию. Кроме трехсот тысяч французов были собраны сорок тысяч итальянцев, тридцать тысяч баварцев, тридцать тысяч саксонцев, шестьдесят тысяч поляков, тридцать тысяч вестфальцев, пятнадцать тысяч вюртембергцев, десять тысяч баденцев, двадцать тысяч пруссаков и тридцать тысяч австрийцев.

Великую армию составляли гвардия, двенадцать пехотных и четыре кавалерийских корпуса. Пятьдесят тысяч гвардейцев вели маршалы Лефевр, Мортье и Бессьер. В корпусе маршала Даву двигалось более семидесяти тысяч солдат, Удино и Нея – по сорок тысяч, Евгения Богарне – сорок пять тысяч, Понятовского – тридцать пять тысяч, Сен-Сира – двадцать пять тысяч, Ренье и Жюно по двадцать тысяч, Макдональда – тридцать тысяч, Шварценберга – тридцать пять тысяч солдат. Сорокатысячную кавалерию возглавлял Мюрат, которому подчинялись корпусные командиры Нансути, Монбрен, Груши и Латур-Мобур. Почти полторы тысячи пушек обслуживали более двадцати тысяч артиллеристов и инженерных войск. В Россию в первом эшелоне готовились войти четыреста двадцать тысяч солдат. Во главе ста сорока тысяч солдат второго эшелона был поставлен маршал Виктор. Шестьсот тысяч воинов обслуживали сто тысяч нестроевых солдат и более двухсот тысяч лошадей.

Главный штаб Наполеона состоял из четырех тысяч человек. Со всей Европы в Париж везли книги и множество материалов о России, ее истории, экономике, войнах. Особое внимание уделялось Северной войне 1700–1721 годов между Россией Петра I и Швецией Карла XII, Полтавской битве. В начале 1812 года Наполеон на приеме в Фонтенбло попытался при всех испугать посла России. Он спросил, какой дорогой шла на Москву армия шведского короля Карла XII. «Через Полтаву» – ответил российский дипломат. В зале для приемов, где находились сотни именитых гостей со всей Европы, наступила мертвая тишина. Император, отвыкший от подобных ответов, застыл, и из столбняка его поспешил вывести маршал Массена.

Наполеон двинул великую армию из Северной Германии в Польшу. В мае 1812 года она уже стояла по всему левому берегу Вислы, от Эльбинга до Пулавы. В Данциге, Торне и

Модлине были созданы огромные склады оружия, продовольствия и транспортных средств. Наполеон прибыл в Кенигсберг и приказал великой армии идти к Бугу и Неману.

Ситуация в российской армии была сложной. Многие современники отмечали невежественность части высшего командного состава, ловцов чинов и наград. Наряду с учениками гениального Суворова многие высшие командные должности занимали придворные выдвиженцы, ничего не понимавшие в военном деле. Воевать они не умели и не хотели, но интриговали, сколько могли. Вся российская военная верхушка была пропитана интригами. Со времен скудоумного Павла I армию готовили не к сражениям, а к парадам. Поражения при Аустерлице и Фридланле тоже не способствовали развитию российского военного искусства. Многие талантливые офицеры и генералы были изгнаны из армии или ушли сами, не желая служить под началом недалеких и наглых самодуров. Плохо проверяемые интендантские службы работали больше на себя, чем на армию. Бывали случаи, когда российских солдат морили голодом. Медицинская служба работала хуже интендантской. Само собой, за подобное отношение к солдатам никого не наказывали. Единой командование отсутствовало. Все армейские командующие подчинялись непосредственно Александру I, которому нельзя было командовать даже взводом.

Несмотря на то, что о вторжении Наполеона было известно заранее, российское правительство никак не готовилось к войне. Хронически плохое состояние финансов компенсировалось только военными субсидиями Англии, всегда готовой воевать до последнего русского солдата. В войсках находились английские уполномоченные, знавшие о положении в армии все. Война России 1805–1807 годов с Францией сменилась войной 1808–1809 годов со Швецией и войной 1806–1812 годов с Турцией. Наполеон, конечно, все это знал и принимал в расчет.

После получения английских денег российская армия была увеличена до полумиллиона солдат, без учета гарнизонов в городах. Из них пятьдесят тысяч человек оставались в Дунайской армии в Молдавии. Тридцатитысячная русская армия стояла в завоеванной Финляндии. Еще один тридцатитысячный корпус находился на Кавказе, пятитысячная дивизия – в Крыму.

Пехотные полки состояли каждый из трех батальонов, но вторые батальоны считались запасными, как и вторые эскадроны в кавалерии. Они занимались обучением рекрут. В кирасирских и драгунских полках было по пять эскадронов, в уланских и гусарских – по десять. Два пехотных полка составляли бригаду, три бригады – дивизию. В одной артиллерийской батарее было двенадцать орудий. В шести гвардейских пехотных полках служили тринадцать тысяч воинов, в четырнадцати гренадерских – тридцать семь тысяч, в девяносто шести пехотных – двести двадцать шесть тысяч, в пятидесяти егерских – семьдесят пять тысяч солдат.

Триста шестьдесят тысяч пехотинцев прикрывали семьдесят шесть тысяч кавалеристов. Шесть тысяч воинов служили в шести гвардейских полках, семь тысяч кирасир – в восьми полках, тридцать пять тысяч – тридцати шести драгунских полках, восемь тысяч улан – в пяти полках, двадцать тысяч гусар – в одиннадцати полках. Тысячу шестьсот орудий обслуживали сорок тысяч артиллеристов. В пяти гвардейских ротах было шестьдесят пушек. По шестьсот сорок восемь орудий находились в полевой артиллерии. В двадцати двух конных ротах было двести шестьдесят четыре пушки.

Только двести двадцать тысяч солдат в трех армиях стояли на российской западной границе.

В Первую Западную армию под командованием военного министра Барклая-де-Толли входили шесть пехотных корпусов Витгенштейна, Багговута, Тучкова, Дохтурова, три кавалерийских корпуса Уварова, Корфа и Палена и семь тысяч казаков атамана Платова. Сто

двадцать семь тысяч воинов с пятьсот пятьюдесятью орудиями стояли вдоль всего Немана. В апреле 1812 года в штаб Первой армии в Вильно прибыл император Александр I.

Вторая Западная армия под командованием Багратиона состояла из двух пехотных корпусов Раевского и Бороздина и кавалерийского корпуса Сиверса. Сорок тысяч воинов при двухсот шестнадцати орудиях стояли между верхним Неманом и Бугом со штаб-квартирой в Волковыске.

Третья Западная армия под командованием Тормасова состояла из трех пехотных корпусов Каменского, Маркова, Сакена и кавалерийского корпуса Ламберта. Сорок тысяч воинов при ста шестидесяти восьми орудиях стояли в Подолии и на Волыни со штаб-квартирой в Луцке.

Все русские армии находились далеко друг от друга и вообще были растянуты по фронту от Балтийского моря до Галиции. В русской ставке не могли определить, куда Наполеон нанесет главный удар.

Основным стратегическим приемом Наполеона было уничтожение армии противника мощным ударом в генеральном сражении. Он концентрировал в выбранном им месте огромные силы, получал численное превосходство над противником и наносил ему решающий удар. Наполеон всегда очень тщательно готовил генеральное сражение. Он сковывал и изматывал противника, ставил его в неудобные условия, потом концентрировал силы и в определенном месте наносил решающий удар и обязательно закреплял победу. Его войска умели быстро и четко маневрировать. Наполеон говорил: «Все сложные комбинации должны быть отброшены. Простота – это первое условие хорошего маневра». Император всегда стремился предусмотреть все случайности. Самым вредным в сражении он считал нерешительность полководца. Бонапарт не скрывал свою доктрину наступательной войны: «Держать свои силы в совокупности, не иметь уязвимых мест, быстро идти на главные пункты, использовать моральный фактор, славу оружия, страх и политические средства».

Наполеон редко повторялся, при необходимости великолепно объединял пехоту и кавалерию и артиллерию. Он атаковал фланги противника, один за другим, или одновременно. Противник из своего центра подкреплял фланги и Бонапарт прорывал его центр: «Для того, чтобы поразить, надо действовать внезапно». Большое внимание император уделял дезинформации противника. Он никогда не делал того, что от него ждали, комбинировал старые и новые способы ведения боя. Наполеон требовал беспрекословного подчинения, повторяя, что командующий должен быть один, желательно опытный, талантливый и гениальный.

Наполеон тщательно изучил будущий театр военных действий: «Если я возьму Киев, я возьму Россию за ноги. Если я овладею Петербургом, я возьму ее за голову. Заняв Москву я поражу ее в сердце». Было изучено состояние дорого от Варшавы до Москвы, дороги от Ковно, Гродно и Бреста. Император выбрал дорогу Ковно – Вильно – Витебск – Смоленск – Вязьма. Были изучены реки Неман, Западная Двина, Березина, Днепр, наиболее удобные места для переправ, броды. Для сбора информации использовались французские гувернеры, лакеи, учителя русских помещиков, газеты, журналы, учебники, книги, карты.

Концентрация сил проходила в четырехстах километрах от русской границы, чтобы было невозможно определить направление главного удара. На складах был сосредоточен двухмесячный запас продовольствия для полумиллиона человек. Тысячи повозок должны были везти за наступающей армией продовольствие и фураж. Наполеон понимал, что они могут не успевать за войсками, которые обеспечивались только пятидневным запасом хлеба. Снабжение армии должны были обеспечивать реквизиции продовольствия и фуража у местного населения. Именно поэтому вторжение началось в середине июня, в расчете на созревающий урожай.

Это была одна из главных ошибок Наполеона. При приближении великой армии русские все сжигали и уходили в леса. Реквизировать было почти нечего. Наполеон подготовил несколько сотен речных судов для перевозки продовольствия и вооружения по рекам Неману, Двине, Днепру и их притокам. Казалось, император предусмотрел все. 9 мая 1812 года он выехал из Парижа к армии. Через Дрезден, Познань, Торн и Данциг Наполеон в начале июня прибыл в Кенигсберг.

На западной границе французские войска были объединены в три группировки. Между Данцигом и Торном располагались главные силы под командованием самого Наполеона – двести восемнадцать тысяч солдат с пятьюстами орудий. Маршалы Даву, Ней и Удино должны были вести войска через Ковно на Вильно. Восемьдесят тысяч солдат с двумястами орудиями под командованием Богарне должны были наступать между Ковно и Гродно и не допустить соединения русских армий Барклая и Багратиона. Воесьдесят тысяч солдат со ста шестьюдесятью орудиями под командованием брата Наполеона Жерома должны были атаковать Гродно. Левый фланг великой армии прикрывал прусский корпус Макдональда, угрожавший Риге. На правом фланге австрийский корпус Шварценберга стоял против Третьей армии Тормасова.

Наполеон не хотел воевать больше трех месяцев. Он планировал в генеральном сражении разбить русскую армию и вынудить Александра I заключить выгодный для Франции мир. Император не планировал идти дальше Смоленска. Он понимал, что любая великая армия легко затеряется в российских просторах, если русские будут отступать до Сибири.

Еще в 1810 году российский военный министр Барклай-де-Толли представил Александру I план защиты западных границ России. По всей Западной Двине и Днепру было необходимо укрепить крепости и создать базы снабжения у Динабурга, Борисова, Бобруйска, Мозыря, Меречи, Бреста, Луцка, Каменец-Подольска, Вильно, Слонима, Пинска, Брацлава. Планировалось создать две линии обороны.

Несмотря на то, что на подготовку к войне в 1811 году ушла половина бюджета России, план Барклая осуществлен не был. На границе был проведен только «косметический ремонт». Военному министерству все же удалось создать большие продовольственные базы в Новгороде, Твери и Трубчевске. Русской армии не хватало орудий, снарядов, пороха, ружей. Тридцать государственных и сто частных заводов на Урале срочно изготавливали четыре миллиона снарядов, но им не хватало станков и оборудования. Ружья для пехоты, кирасир, драгун и гусар делал только Тульский оружейный завод, и их не хватало. За полгода до начала войны в России было проведено два рекрутских набора, что позволило увеличить армию вдвое.

Три русские западные армии стояли на фронте в шестьсот километров. Армия Барклая была растянута на двести километров. На фронте в пятьдесят километров стояла армия Багратиона. Две армии разделяли сто километров. Именно здесь и собирался атаковать Наполеон. Армии Багратиона и Тормасова разделяли двести километров. Великая армия занимала в два раза меньший фронт.

Император Александр I не назначил главнокомандующего и не утвердил план военных действий.

Барклай-де-Толли предлагал царю, чтобы войска перешли Неман и там соединились. Александр I, однако, слушал только своего советника по военным делам прусского генерала Фуля. Александр I приказал, чтобы после начала военных действий армия Барклая отходом к Дрисскому укрепленному лагерю должна была увлечь за собой противника. После этого армии Багратиона и Тормасова должны были ударить во фланг и тыл великой армии. Фулю было все равно, что французов было вдвое больше русских. Только стратегический талант Барклая и мужество русских воинов сорвали планы Наполеона, в июне 1812 года говорив-

шего, что через два месяца Россия запросит мира. Бонапарт заявил: «Из всех народов Европы я должен сделать единый народ, а из Парижа столицу мира».

10 июня 1812 года французский посол в Петербурге Лористон вручил Министерству иностранных дел России носу о том, что «Франция считает себя в состоянии войны с Россией». В тот же день Наполеон прибыл в штаб-квартиру великой армии в Ковно и подписал приказ по войскам:

«Солдаты! Вторая польская война началась. Первая кончилась во Фридланде и Тильзите. В Тильзите Россия поклялась в вечном союзе с Францией и клялась вести войну с Англией. Она теперь нарушает свою клятву. Рок влечет за собой Россию: ее судьбы должны свершиться. Считает ли она нас уже выродившимися? Разве мы уже не аустерлицкие солдаты? Россия нас ставит перед выбором: бесчестье или война. Выбор не может вызвать сомнений. Пойдем вперед, перейдем через Неман, внесем войну на ее территорию. Вторая польская война будет славной для французского оружия. Мир, который заключим, положит конец гибельному влиянию, которое Россия уже пятьдесят лет оказывает на дела Европы».

11 июля у деревни Понемонь близ Ковно Наполеон определил место переправы великой армии через Неман. При осмотре позиций его лошадь вскинулась, и Наполеон вылетел из седла, чего с ним никогда не случалось. Весь день суеверный корсиканец был мрачен.

На рассвете 12 июня 1812 года великая армия у Юрбурга, Ковно, Олитты и Меречи начала переправу через Неман, которая продолжалась почти неделю. Русская армия сопротивления не оказывала. Уже 13 июня передовые французские части вошли в Ковно. В этот же день казачий офицер атамана Платова сообщил о начале войны Александру I, как обычно танцевавшему на балу в имении под Вильно. Александр распорядился исполнять план Фуля и подписал рескрипт о начале войны:

«Французские войска вошли в пределы Нашей Империи. Самое вероломное нападение было возмездием за строгое соблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства, совместные с достоинством Престола и пользой Моего народа. Все старания мои были безуспешны. Император Наполеон в уме своем положил твердо разорить Россию. Предложения самые уверенные остались без ответа. Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых в еще недавнем времени миролюбивых обещаний. Поэтому не остается Мне иного, как поднять оружие и употребить все врученные Мне провидением способы к отражению силы силой. Я надеюсь на усердие Моего народа и храбрость войск Моих. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их со свойственною им твердостью и мужеством. Провидение благословит праведное наше дело. Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудили Нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем».

Первый удар Наполеон решил нанести по армии Барклая. Он знал о том, что в Вильно находится Александр I, и на всю Европу хохотал над его иностранными советниками: «Что все они делают? В то время, как Фуль предлагает, Армфельд противоречит, Беннигсен рассматривает, Барклай, на которого возложено исполнение, не знает, что заключить, и время проходит у них в ничегонеделании».

По плану Фуля армия Барклая 15 июня уже была в Дриссе. Советники Александра все же решили соединить у Дрисского лагеря Первую и Вторую армию. Вероятно, они думали, что таким образом смогут одновременно прикрыть и Москву и Петербург. Багратиону был отправлен приказ через Вилейку идти на соединение с Барклаем, но было уже поздно. На пятый день войны великая армия, отбрасывая русские арьергарды, вошла в Вильно.

Наполеон с гвардией сделал в городе свою ставку и тут же бросил сто пятьдесят тысяч солдат во главе с Мюратом в погоню за Барклаем. Семьдесят тысяч солдат Даву двинулись через Ольшаны к Минску в разрыв между Первой и Второй русскими армиями. Восемьдесят

тысяч солдат Жерома подходили к Гродно, и столько же солдат группы Богарне уже находились в одном переходе от Вильно.

Только 17 июня армия Багратиона выступила из Волковыска. В Ольшанах ее уже ждал Даву, сзади атаковал Жером. Наполеон приказал своим маршалам уничтожить Вторую русскую армию. Сто пятьдесят тысяч французов почти окружили сорок тысяч русских, но Багратион успел отступить к Новогрудку. Наполеон подчинил промедлившего Жерома Даву и приказал идти к Могилеву. Сам Даву в Минске должен был закончить окружение Второй русской армии. Корпус Ренье блокировал Третью армию Тормасова, а корпус Шварценберга получил приказ взять Несвиж. У Багратиона не должно было остаться ни одного шанса уйти от разгрома. Почти все русские курьеры между Первой и Второй армией перехватывались французами, Барклай и Багратион не имели никакой связи.

Багратион начал отступление к Несвижу, Слуцку и Бобруйску. Из Дрисского лагеря Александр I начал упрекать Багратиона в боязни сразиться с Даву, чьи войска были втрое больше Второй русской армии. Русские генералы с большим трудом уговорили бестолкового императора покинуть действующую армию и «для занятия более важными делами» уехать в Петербург. Император Всероссийский уехал, естественно не назначив главнокомандующего.

26 июня казаки Платова у Кареличей остановили французов, наседавших на отступающую Вторую армию с фланга и тыла. Платову удалось заманить авангард Жерома к местечку Мир, где французов уже ждали русские полки. 27 и 28 июня кавалеристы Платова, Васильчикова и Кутейникова в ожесточенных боях остановили французских и польских улан Турно и Рожнецкого. Благодаря этому армия Багратиона вечером 28 июня из Несвижа двинулась на Слуцк по единственной не перерезанной дороге. Даву был уже в Минске и через Игумен быстро двигался к Могилеву. Туда же через Бобруйск и Быхов рванулся Багратион.

Перед отъездом царя Барклай сумел убедить Александра I, что Дрисский лагерь – это ловушка для Первой армии. Лагерь находился на левом берегу Западной Двины. Впереди русских войск был Наполеон, сзади широкая река. У Дриссы Первая армия все больше и больше удалялась от Второй. Барклай мог прикрывать только Петербург, а дорога из Вильно на Москву была совершенно открыта. Сам Дрисский лагерь просто назывался укрепленным, что не соответствовало действительности. Наполеон стремился отрезать Барклая в Витебске и в начале июля военный министр увел Первую армию из Дриссы и через Полоцк двинулся к Витебску, где надеялся встретиться, наконец, с Багратионом.

Для прикрытия дороги на Петербург он оставил корпус Витинштейна, который тут же был блокирован корпусом Удино. Основные силы французов вошли в Полоцк на плечах русского арьергарда.

Наполеон рвался дать генеральное сражение у Немана, у Вильно, у Дриссы. Ему его не давали. Император летел за русскими войсками, но догнать их не мог. Это были сумасшедшие переходы. Французы далеко оторвались от продовольственных складов. От отсутствия фуража начали гибнуть лошади, но Наполеон рвался к Витебску, а Даву к Могилеву. Они не успели. Барклая прикрыла Западная Двина. Отчаянные казаки Платова и гусары Васильчикова на давали Даву перехватить Багратиона. Несмотря ни на что, 8 июля авангард Даву вломился в Могилев, но это было уже не важно. Французов встречали южнее, в Салтановке. Сорок тысяч русских хотели отбросить восемьдесят тысяч французов и через Могилев и Оршу пробиться к Барклаю. Утром 11 июля у деревни Салтановка Багратион атаковал Даву. Прорыв корпуса генерала Раевского к Могилеву остановили пять французских дивизий. Поняв, что здесь не пробиться, Багратион решил отступать к Смоленску. Переправу Второй армии через Днепр у Быхова прикрывал корпус Раевского.

Разгром Багратиона был очевиден и Даву бросил против русского арьергарда все свои силы. На поле яростного боя легли пять тысяч французских и три тысячи русских солдат.

В критический момент боя Раевский сам повел корпус в контратаку. Его семнадцатилетний и одиннадцатилетний сыновья несли за ним знамя. От увиденного штыкового боя у многих его участников даже через много лет волосы вставали дыбом. Даву ничего не смог сделать с армией Багратиона, которая через Мстиславль двинулась к Смоленску.

Рано утром 11 июля армия Барклая вошла в Витебск и встала на поле за рекой Лучесой. Это была не лучшая позиция, но Барклай не мог бросить Багратиона, оставив его между Наполеоном и Даву. Пойти навстречу Второй армии к Орше Первая армия не могла. Двести тысяч французов готовы были атаковать восемьдесят тысяч русских и разбить их, наконец, в генеральном сражении под Витебском.

В шести километрах от Витебска у Островно встал корпус Остермана – Толстого, который тут же атаковал авангард Мюрата. Весь день 13 июля продолжался ожесточенный бой. Три дня Мюрат пытался взять Островно, вводя в сражение все новые и новые дивизии. Барклай поддержал Отсермана – Толстого дивизией Коновницына и отрядом Палена. Еще 13 июля Наполеон объявил, что в тот же день будет обедать в Витебске. Только 16 июля русские отступили за Лучесу и Наполеон начал готовить генеральное сражение.

Барклай уже знал, что Багратион не смог прорваться к Орше и форсированными маршами шел к Смоленску. Даву даже не стал его преследовать, опасаясь флангового удара Первой русской армии. Утром 16 июля великая армия атаковала Витебск, но город был пуст. Ночью русские войска ушли, что стало полной неожиданностью для Наполеона. Французские клещи у Могилева и Витебска лязгнули в пустоту.

Барклай-де-Толли отступал, понимая, что не может остановить висевшую на плечах численно превосходящую армию Наполеона. Только так он мог сохранить русские войска. Император все дальше и дальше уходил от тыловых баз, растягивал свои коммуникации. Боевая мощь французов ослаблялась и упорными арьергардными боями русских.

Большинство русского дворянства стало считать Барклая виновником отступления русской армии. В штабах и среди генералов интриговали приближенные Александра, называя тактику военного министра гибельной. В армии распространялись провокационные слухи, в которых Барклая называли изменником. Многие почему-то забыли о громадном превосходстве противника. Барклай несмотря ни на что продолжал спасть русскую армию.

Война шла совсем не по плану Наполеона. В Витебске император был вынужден задержаться на две недели. Из четырехсот семидесяти тысяч солдат великой армии теперь с ним шли только двести шестьдесят тысяч. Необходима была перегруппировка сил, нужны были склады и тыловые службы. Армии Наполеона не хватало ни продовольствия, ни фуража. Молодые солдаты не выдерживали сумасшедших маршей, отставали, мародерствовали. Тылы великой армии были забиты голодными, больными, отставшими. Крестьяне прятали продовольствие, сжигали свои дома и уходили в лес.

Наполеон решил возмутить народ, поднять его против дворян. Императору привезли материалы о крестьянской войне 1775 года в России под началом Емельяна Пугачева. Штаб Наполеона начал готовить документы для отмены крепостного права в России. Наполеон всегда и везде в завоеванных странах отменял феодальные законы, получая поддержку населения. Среди русского крестьянства пошли всевозможные слухи о предстоящей свободе. Императора Александра, пришедшего на молебен в Казанский собор Петербурга, встречала огромная толпа народа, стоявшая в мертвой, гробовой тишине. Никто как обычно не кричал: «Да здравствует император!» Современники писали, что Александр стал белее мела и с трудом достоял до конца службы. 6 июля он обратился к народу.

«Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясти спокойствие великой сей Державы. С лукавством в

сердце и лестью в устах несет он вечные для ней цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска Наши, кипящие мужеством попрать, опрокинуть его и согнать с лица земли Нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду, но не можем и не должны скрывать от верных Наших подданных, что собранные им разнодержавные силы велики и что отвага его требует неусыпного против него бодрствования. Сего ради полагаем Мы необходимостью собрать внутри Государства новые силы, которые нанося новый ужас врагу, составили бы вторую ограду в подкрепление первой, в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

Ныне взываем Мы ко всем Нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским, содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет враг на каждом шагу верных сынов Росси, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавством и обманом. Да встретит враг в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Народ Русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшимся на тебя львов и тигров. Благородное дворянское сословие, Ты во все времена было спасителем Отечества! Духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют».

Впервые прямо к народу обратился губернатор, или как говорили в начале XIX века, главнокомандующий Москвы Растопчин, назначенный на этот пост за две недели до начала войны. Сразу же после манифеста Александра I к народу Растопчин начал извещать население о ходе военных действий особыми листками, которые вскоре стали известны всей России под именем «афишек». Листки разносили по домам, как театральные афиши. Главнокомандующий Москвы хотел влиять на москвичей, противодействовать распространению не только нелепых, но и часто очень опасных для властей слухов. Растопчин говорил о москвичах: «Чернь есть такое существо, в котором живость радости и живость скорби одинаково требуют благоразумного обуздания. Без этого и то и другое бывает иногда опасно».

Чем ближе Наполеон и его великая армия подходили к Москве, тем больше волновался народ. Русские власти нервничали, боясь народного «своеволия и буйства», боясь того, чтобы народ «не предался ни собственным умствованиям, ни каким-либо посторонним уродливым внушениям». Правительство стремилось «не дать народу впасть в отчаяние» при многодневном отступлении русских войск. Афиши Растопчина производили большое впечатление на население, возбуждали его против французов. Губернатор Москвы пытался контролировать настроение простых москвичей. Современник писал: «Вы не представляете, что творилось в Москве с начала августа. Лишь человек, подобный Растопчину, мог разумно управлять умами, находившимися в брожении и этим предупредить вредные и непоправимые поступки. Москва действовала на всю страну и при малейшем беспорядке между ее жителями вся страна бы всполошилась. Надо было уничтожить вероломные намерения Наполеона, восстановить умы против негодяя, и этим охранить чернь, которая везде легкомысленна. Растопчин прекрасно распорядился».

Количество переодетых полицейских в Москве было значительно увеличено. Они были везде – в трактирах, кофейнях, на рынках, на улицах, в толпе. Растопчин знал все, что происходило в старой столице. Его люди распускали или опровергали слухи, не заботясь о их достоверности. Это вообще не имело никакого значения. Властям было важно успокоить народ и ничего страшного, если для этого нужно опровергнуть правдивые, но неприятные известия. «Моральное воздействие на народ и общество должно было быть поставлено на первом плане» – считал губернатор. Он «подготовлял умы народа, чтобы в случае нужды можно было ими воспользоваться». Растопчин был доступен для всех желающих.

Он целыми днями метался по Москве, менял усталых лошадей, вмешивался во все, карал и миловал, защищал народ от чиновников – мздоимцев, часами разговаривал с простыми москвичами. Александр I сказал своему московскому губернатору: «Я дарю вам полную власть действовать как сочтете нужным. Я полагаюсь на вас». В 1813 году, «по окончании в нем необходимости», Растопчина тут же уволили, обвинив в возможном поджоге Москвы. Губернатор писал о Наполеоне в первой афишке 1 июля 1812 года:

«Московский мещанин, ратник Карнюшка Чихирин, выпив лишнюю стопку на Тычке, услышал, что будто Бонапарт хочет идти на Москву. Он рассердился и, разругав скверными словами всех французов, вышел из питейного заведения и заговорил: «Как! К нам? Милости просим, хоть на святки, хоть на масленицу. Да и тут жгутами девки так припопонят, что спина вздуется горой. Полно демонам-то наряжаться: молитву сотворим, так до петухов сгинешь! Сиди-ка лучше дома, да играй в жмурки, либо в гулючки. Полно тебе фиглярить: ведь солдаты-то твои карлики, да щеголь ки. Ни тулупа, ни рукавиц, ни малахая, ни онуч не наденуть. Ну, где чем русское житье – бытье вынести? От капусты раздует, от каши перелопаются, от щей задохнутся. А которые в зиму-то останутся, так их крещенские морозы поморят: у ворот замерзать, во дворе околевать, в сенях зазябать, в избе задыхаться, на печи обжигаться. Да что и говорить! Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сложить. Карл-то Шведский пожилистей тебя был, да и чистой царской крови, да уходился под Полтавой, ушел без возврата. Побойчей французов твоих были поляки, татары и шведы, да тех старики наши так откачали, что и по сию пору вокруг Москвы курганы, как грибы, а под грибами-то их кости. Ну и твоей силе быть в могиле.

Да знаешь ли, что такое наша матушка Москва? Ведь это не город, а царство. У тебя дома-то слепой да хромой, старушки да ребятишки остались, а на немцах не выедешь. Они тебя само с маху оседлают. А на Руси что, знаешь ли ты, забубенная голова? Уже пошли 600000, да молодых рекрут 300000, да старых 200000. А все молодцы, одному Богу веруют, одному царю служат, одним крестом молятся, все братья родные. Да коли понадобится, скажи нам батюшка Александр Павлович: «Сила христианская, выходи!», и высыпет сила бессчетная, и свету божьего не увидишь! Не передних бей, пожалуй, тебе это по сердцу. Зато остальные-то тебя доконают на веки – веков. Ну как же тебе к нам забраться? Не только колокольню Ивана Великого в Кремле, но и Поклонной горы во сне не увидишь. Белорусов возьмем, да тебя в Польше и погребем. Ну, поминай, как звали! По сему разумей, не наступай, не начинай, а направо кругом домой ступай и знай из роду в род, каков русский народ!»

Потом Чихирин запел и пошел бодро. А народ, смотря на него, говорил: «Откуда берется? А что говорит дело, тут уж дело!»

Афишки Растопчина дополнялись официальными сообщениями, первое из которых было опубликовано 3 июля:

«Московский военный губернатор, граф Растопчин, сим извещает, что в Москве появилась дерзкая бумага, где между прочим вздором сказано, что французский император Наполеон обещается через шесть месяцев быть в обеих столицах. В четырнадцать часов полиция отыскала и сочинителя, и от кого вышла бумага. Он есть сын московского купца второй гильдии Верещагина, воспитанный иностранцем и развращенный трактиром. Граф Растопчин признает нужным обнародовать это, полагая возможным, что списки с этого мерзкого сочинения могли дойти до сведения и легковерных и способных верить невозможному. Верещагин же сочинитель и губернский секретарь Мешков переписчик, по признанию их преданы суду и получать должны наказание за их преступление».

Чем ближе великая армия подходила к Москве, тем больше волновался народ. В конце XVIII столетия дивизионный генерал Бонапарт сам писал революционные воззвания итальянскому народу, играя в биллиард коронами монархов. В начале XIX века император Напо-

леон перестал опираться на мнение населения. Он не стал подписывать никакие документы по освобождению русского крестьянства: «Я мог бы поднять большую часть населения, объявив освобождение рабов. Многие деревни просили меня об этом, но я отказался».

В великой армии говорили, что день рождения Наполеона 15 августа солдаты будут праздновать в Москве. В этот день объединившиеся армии Барклая и Багратиона встречали французов в Смоленске.

Великая армия Наполеона сорок дней догоняла Первую и Вторую русские армии. Император сделал все, что мог, для того, чтобы разбить их по частям. Он сделал больше, чем смог, чтобы они не соединились.

20 июля Первая армия Барклая-де-Толли вошла в Смоленск. Через два дня к древнему городу подошла Вторая армия Багратиона. Несмотря ни на что, русские армии соединились. Наполеону как воздух был необходим стратегический успех и император хотел добиться его под Смоленском.

От Вильно до Смоленска Первая армия прошла пятьсот километров. Вторая армия от Волковыска до Смоленска прошла восемьсот километров. В боях погибли около десяти тысяч русских воинов. Двадцать тысяч солдат были ранены или отстали. В Смоленске общая численность русских войск составляла сто двадцать тысяч человек. На военном совете в Смоленске 25 июля было принято решение больше не отходить, а дать Наполеону сражение. Русские генералы считали, что император сильно распылил свои силы и его перевес в войсках уже больше не являлся таким подавляющим. Действительно, два французских корпуса блокировали на севере корпус Витгенштейна, еще один корпус прикрывал южный фланг от двигавшейся к Смоленску Дунайской армии. Целая дивизия стояла у Бобруйской крепости, которую так и не смогла взять. Множество войск охраняли коммуникации, занимались фуражировкой и поисками продовольствия. По всей дороге от Ковно до Витебска во всех местечках и городах лежали раненые, мародерствовали отставшие. Наполеон был вынужден дать отдых войскам, расположив армию между Витебском и Могилевом.

Причиной большого распыления войск стали феноменальные быстрота движения, недостаток продовольствия и фуража и нечеткое управление огромной армией. От Ковно до Витебска за месяц великая армия прошла почти пятьсот километров, проходя пятнадцать верст в сутки. Трудности перехода значительно усиливались от количества двигавшихся войск. Только часть французов шла по главной дороге, остальные части шли проселками, совершали многочисленные обходные маневры, делая переходы более тридцати километров в день. В начале июня по всей Литве и Беларуси прошли проливные дожди, и размокшие дороги были совершенно разбиты уже авангардными частями. В середине лета началась невыносимая жара.

Русские армии находились в таком же положении, но фураж и продовольствие у них были всегда. Несмотря на то, что по распоряжению Наполеона перед войной было заготовлено огромное количество продовольствия, воспользоваться им было почти невозможно. Все время похода французы шли без остановок, с трудом сдерживаемые арьергардами русских. Продовольствие в войска подвозить просто не успевали. Войска приходили на ночлег и вместо отдыха отправлялись на фуражировку. Часто к рассвету они возвращались ни с чем – округа была пуста, припасы сожжены. Если фуражиры привозили зерно, то его еще нужно было перемолоть в походных мельницах. От утомления и недостатка еды солдаты начали просто умирать. Часто в одно место для ночлега приходили сразу несколько частей, с трудом и не сразу находившие место для бивуака. Госпитали не смещали большого количества больных. Почти две недели великая армия приводила себя в порядок. В это время русские армии соединились в Смоленске и решили его защищать во что бы то ни стало. За ключи от Москвы, так называли Смоленск, Наполеон должен был заплатить только своей победой.

Часть корпуса Макдональда осаждала Ригу, вторая часть вместе с корпусом Удино блокировала у Дрисского лагеря корпус Витгенштейна, прикрывавшего Петербург. Пятьдесят тысяч французов решили окружить двадцать пять тысяч русских. Чтобы не допустить этого, 18 июля Витгенштейн атаковал Удино. Три дня у деревни Клястицы шло ожесточенное сражение. В штыковых атаках французы потеряли около десяти тысяч солдат. Наполеону пришлось отправить на помощь раненому Удино корпус Сен-Сира. Клястицкое сражение стало быстро известно всей России.

С двадцатитысячным корпусом, без всякой надежды на подкрепление, Ватгенштейн не дал себя окружить, атаковал вдвое сильнейшего противника, остановил его и вынудил Наполеона ослабить свои главные силы. Один русский корпус прикрывал весь север России и столицу империи от трех французских корпусов, и его было невозможно сдвинуть с места. Нервозная обстановка в Петербурге в конце июня через месяц стала спокойной. Император Александр I отменил уже начавшийся исполняться приказ о эвакуации из столицы в Казань Государственного Совета, Сената, Синода, министерств, архивов, банков, монетного двора, учебных заведений, церковных реликвий, дворцовых драгоценностей, Медного всадника и домика Петра Великого.

Третья русская армия Тормасова в начале июля двинулась к Кобрину на соединение с основными русскими силами. Еще до этого из-за ее бездействия по приказу Наполеона блокировавший Тормасова корпус Шварценберга был направлен для вооружения армии Багратиона. Из Слонима наперерез Третьей армии тут же выдвинулся корпус Ренье. 15 июля под Кобрином русские полки отбросили авангард французов. Наполеону пришлось вернуть от Несвижа корпус Шварценберга. Тормасов вернулся в Луцк и стал ждать неторопливо подходившую Дунайскую армию Чичагова. Две русские армии встретились в Луцке только в начале сентября. Наполеон мог быть спокоен за свои тылы.

К концу июля 1812 года великая армия вошла вглубь Российской империи на шестьсот километров и заняла Виленскую, Гродненскую, Могилевскую и половину Смоленской губернии. Вся Европа замера в ожидании – кто победит?

По всей России собиралось народное ополчение. Слухи о том, что Наполеон желает освободить крестьян от крепостной зависимости, постепенно замерли. Местное население начало убивать французских фуражиров и Наполеон приказал посылать на непокорных карательные отряды. Всевозможные поборы, контрибуции, разнузданные грабежи мародеров и разбойничавших дезертиров вызывали у населения ненависть к завоевателям. В стране росли патриотические настроения. В семнадцати губерниях началось формирование народного ополчения. Ратники составляли полки конных казаков и пеших егерей. Все ратники были одеты в кафтаны и шаровары серого сукна. На суконных шапках были нашиты выбитые из меди кресты, вензель Александра I и слова «за веру и Царя». Ружей почти не было, и ратники были вооружены топорами и пиками. Народные ополчения выполняли при регулярной армии вспомогательные функции.

Регулярные резервы формировались в Калуге, Владимире и Москве. Однако война двигалась намного быстрее. В Смоленск полетел приказ Ставки: «Пользуясь растянутым расположением сил Наполеона, перейти в наступление, направив обе армии к Рудне и далее, на центр неприятеля, чтобы разделить его силы и разбить их по частям, или заставить отступить на несколько переходов. Это дало бы возможность по крайней мере выиграть время, необходимое для окончания общего народного вооружения».

Армии Барклая и Багратиона тремя колоннами двинулись к Рудне. Для прикрытия левого фланга к селу Красному была выслана дивизия Неверовского, составленная из новобранцев и гарнизонных солдат. Великая армия Наполеона к началу августа уже нависла над Смоленском. Император мгновенно увидел, что может обойти зарвавшихся русских, отре-

зать их от Смоленска. Сбывалось его заветное желание окружить и уничтожить, наконец, дву русские армии и закончить войну.

Сосредоточив на флангах ударные группы Наполеон имитировал нападение на Смоленск с севера, а в Рудне русских уже ждали кавалеристы Мюрата. В ночь на 1 августа Наполеон лично руководил переправой южной ударной группы через Днепр. На Смоленск с юга рванулись корпуса Нея, Даву и Мюрата. Наполеон лично вел Старую и Молодую гвардии. Пять лучших корпусов французской армии вели император и три прославленных маршала. Это был конец армиям Барклая и Багратиона, слепо и без разведки бросившись выполнять как всегда чудной приказ Ставки. Наполеон уничтожал русские армии, Александр I просил мира, Европа рукоплескала императору. Уланы донесли, что у села Красного левый фланг армий Барклая и Багратиона прикрывает какой-то наблюдательный отряд русских. Наполеон приказал смахнуть русскую пушинку с французского знамени победы. Войну пора было кончать. Сто тысяч французов без труда сдуют с поля боя десять тысяч русских.

Дивизия генерала Неверовского состояла из пяти пехотных и четырех кавалерийских полков при четырнадцати орудиях. Неверовский выстроил полки за Красным на удобной позиции, оставив в селе батальон егерей. Авангард Нея в секунды вынес их и Красного, а Мюрат обошел село и всей массой кавалерии ударил в левый фланг русских. Драгунские полки прикрытия были сметены, полубатарея из пяти орудий захвачена. Мюрат лично повел своих всадников в сумасшедшую атаку на русскую пехоту, но новобранцы Неверовского не сдвинулись с места. Они знали цену этого боя. Командир необстрелянной дивизии понимал, что его атакует император Франции. Необходимо было закрыть единственную дорогу на Смоленск, иначе армии Барклая и Багратиона погибнут.

Неверовский под жестким огнем смог перестроить дивизию в несколько каре и успел блокировать дорогу. Каре русских, отбиваясь, стали медленно пятиться к Смоленскому тракту.

Пять километров прошли русские солдаты в полуокружении, но разбить их железные квадраты солдатам Мюрата так и не удалось. В стратегию боя вмешалась иная сила – сила духа русских воинов, понимавших, что спасают армию и Россию. Очевидцы писали, что молодые солдаты плакали от ужаса первого боя, но кололи, кололи, кололи наседавших французов.

Взбешенный Мюрат приказал «карусель». Французские кавалеристы выстроились поэскадронно и непрерывными волнами атаковали русских. Неаполетанский король опоздал. Неверовский успел перестроить каре в колонну и заткнул Смоленский тракт своими полками. Еще двадцать километров под бешенными атаками лучшей кавалерии Европы медленно пятилась русская колонна героев. Сорок раз французская карусель пыталась прорвать, разорвать, стереть эти непрорываемые полки. На удивленный вопрос Наполеона, что происходит, непобедимые французские маршалы угрюмо заявили, что это отступают львы. В сумерках Неверовский смог поставить в хвост колонны два последних орудия и ахнул картечью в летевший в атаку французский эскадрон, который исчез. В наступившей темноте закончился невыносимый бой.

Первая и Вторая русские армии успели вернуться в Смоленск и Наполеон с этим ничего не смог сделать. Какой-то наблюдательный отряд русских сумел на сутки задержать великую армию и великолепный замысел императора провалился. Такой войны властелин Европы еще не вел.

Утром 4 августа наполеоновские корпуса опять всей силой атаковали дорогу на Смоленск. Дивизия Неверовского, в которой из десяти тысяч воинов осталось две, уже была на одна. Ночью к ней подошел направленный Багратионом корпус Раевского. Двадцать семь

тысяч русских солдат с восьмьюдесятью пушками встречали Наполеона. За ними быстро перегруппировались армии Барклая и Багратиона. Почти впервые гордые и великолепные французские маршалы угрюмо молчали. Главные квартирмейстер армии Дарю обратился к Наполеону: «Из-за чего ведется эта тяжелая война? Не только ваши войска, сир, но мы сами тоже не понимаем ни целей, ни необходимости этой войны…»

4 августа корпус Нея атаковал войска Раевского, но русские стояли как вкопанные. В атаку французов повел маршал Ней, но чуть не попал в плен. Первая и Вторая русские армии расположились двух километрах за Смоленском на Петербургской и Московской дорогах. К ночи против ста тысяч русских встали сто восемьдесят тысяч французов, и это было только начало.

В ночь на 5 августа обескровленные части Раевского и Неверовского были сменены корпусом Дохтурова и дивизией Коновницына. Маршалы советовали Наполеону прорваться на Московскую дорогу, отрезать и окружить русские войска. Наполеон сознательно не спешил, надеясь на генеральное сражение под Смоленском.

В три часа дня 5 августа сто пятьдесят орудий начали страшную бомбардировку города и одиннадцать французских дивизий пошли на штурм. Весь день продолжался начавшийся в восемь часов утра отчаянный бой, в котором героизм упорных русских стал массовым. Они «дрались как россияне, пренебрегающие опасностью и жизнью». К одиннадцати часам вечера французы заняли городские предместья, но на стены крепости взойти так и не смогли. Русских солдат с трудом могли сменить – никто не хотел отступать. Смоленск пылал: «туча бомб, гранат и ядер летели на дома, башни, склады, церкви, все объялось пламенем, все, что могло гореть, пылало». Французы потеряли десять тысяч человек убитыми, русские – пять тысяч. Раненых было вдвое больше.

Наполеон приказал маршалам взять Смоленск во что бы то ни стало. Бомбардировка города продолжалась всю ночь. Утром императору доложили, что Смоленск пуст, а русские ушли. Под артиллерийским огнем армия Багратиона отходила по Москвоской дороге, армия Барклая – по Петербургской. После ночного марша русские армии вновь соединились. Погоню Наполеона задержали взорванные мосты через Днепр. Одновременно с отступлением главных сил корпус Витгенштейна под Полоцком атаковал корпус Сен-Сира, чтобы уменьшить давление на русские армии, но был отброшен.

В арьергарде Барклай оставил отряд Тучкова в две тысячи четыреста человек с двенадцатью орудиями. Утром 7 августа войска Нея и Мюрата бросились в погоню за армиями Барклая и Багратиона, а корпус Жюно по проселкам полетел в тыл русским. К полудню Ней атаковал отряд Тучкова и сражение у Валутиной горы началось. Барклай направил Тучкову подкрепление и приехал сам. Бой продолжался до темноты. Корпус Жюно уткнулся в болото и не смог обойти русских. Он даже не пытался его преодолеть обходными тропами и выйти в тыл Барклаю. «Жюно упустил русских; из-за него я теряю кампанию» – заявил Наполеон. В бою у Валутиной горы французы из тридцати тысяч солдат потеряли убитыми и ранеными девять тысяч, русские из пятнадцати тысяч – четыре. Русские армии отходили к Вязьме. За Барклаем и Наполеоном по главной дороге и по всем проселочным тропам неотступно шли корпуса Нея, Даву, Богарне, Понятовского. Кавалеристы Мюрата удерживались только сильными русскими арьергардами. Только у Царева-Займища Барклаю удалось остановиться и построить укрепления. Русские готовились дать генеральное сражение. Барклай ожидал, что вот-вот подойдет Милорадович с первыми сформированными в Калуге полками. Единого командования у русских так и не было. Багратион просто молча признал первенство военного министра, хотя ранее Барклая был произведен в полные генералы.

Наполеон в Смоленске заявил, что «кампания 1812 года кончена». Вступление французов в Смоленск, который считался воротами Москвы, было крупным успехом Наполеона. До

российской древней столицы больше не было ни одного крупного военного пункта. Император сказал штабу: «Остановимся здесь. За этой твердыней я могу собрать свои войска, дать им отдых, дождаться подкреплений и снабжения. До весны нужно восстановить непобедимую армию. Тогда, если мир не придет нас искать на зимних квартирах, мы пойдем и завоюем его в Москве. Я укреплю свои позиции. Мы отдохнем, опираясь на Смоленск, организуем страну и тогда посмотрим, каково будет Александру. Я поставлю под ружье всю Польшу, а потом решу, идти на Москву или Петербург».

Однако все было не так просто. Император, конечно, мог сделать все то, о чем говорил, основательно приготовиться к весенней кампании. Вместе с тем, он понимал, что и Россия с каждым днем будет усиливать свое сопротивление. А главное – Наполеон вообще не мог на длительное время оставлять Париж и руководство империей, державшейся только на нем одном.

Наполеон принял решение продолжить наступление, разбить русскую армию при первой возможности, занять Москву и этим достичь тех же результатов, которые давало ему занятие многих европейских столиц. Маршалы отговаривали императора идти дальше вглубь России, но он уперся: «Быть может, я не найду мира там, куда иду за ним. Но тогда, имея за собой сильный резерв в нужном месте, я могу отойти безопасно, и ничто не заставит меня ускорить отступление. Не пройдет и месяца, как мы будем в Москве. Через шесть недель мы будем иметь мир».

17 августа авангард великой армии вместе с Наполеоном без боя вошел в Вязьму. У Царева-Займища французов ждали русские войска. Император был очень доволен. До Москвы оставалось всего двести километров, а французов было намного больше, чем русских. Ни Барклай, ни Багратион с начала войны не получали в подкрепление ни одного солдата. Если бы Наполеону удалось разбить русские армии, он бы мог пройти по России, как по паркету Екатерининского дворца в Царском Селе.

К Смоленску из Польши шли свежие корпуса Виктора и Ожеро. Наполеон опять приказал обойти русских. 19 августа Даву с боем взял Гжатск, и французы нависли над правым флангом и тылом русских, которым предстояло вступить в генеральное сражение в полуокружении. Стратег Барклай-де-Толли прекрасно понимал это, но приказа об отступлении он отдать уже не мог.

Вся Россия с тревогой следила за ходом войны. В Москве недалеко от Кремля на Никольской улице ежегодно собирались в ожидании известий с фронта огромные толпы народа.

9 августа губернатор Москвы Растопчин писал в афишке:

«Слава Богу, все у нас в Москве хорошо и спокойно! Хлеб не дорожает и мясо дешевеет. Одного всем хочется, чтоб злодея побить и то будет. Станем Богу молиться, да воинов снаряжать, да в армию их отправлять. Чтоб скорее дело решить, милосердному государю Александру Павловичу угодить, Россию одолжить и Наполеону насолить, то должно иметь послушание, усердие и веру к словам начальников, и они рады с вами жить, и умереть. Не бойтесь ничего: нашла туча, да мы ее отдуем: Все перемелется, мука будет. Берегитесь одного: пьяниц, да дураков. Они распустя уши, пытаются, да и другим уши врасплох надувают. Иной вздумает, что Наполеон за добром идет, а его дело кому драть. Обещает все, а не выйдет ничего. Солдатам сулит фельдмаршальство, нищим – золотые горы, народу – свободу. А всех ловит за виски, да в тиски и пошлет на смерть. Убьют либо там, либо тут. И для этого прошу: если кто из наших, или из чужих станет его выхвалять и сулить и то и другое, то кто бы он ни был, за чуб и в полицию! Тот, кто это сделает, тому честь, слава и награда. А кого возьмут, с тем я разделаюсь, хоть семи пядей будь во лбу. Мне на то и власть дана, и

государь изволил приказать беречь матушку Москву. А кому же беречь мать, как не деткам! Ей Богу, братцы, государь на вас, как на Кремль надеется, а я за вас присягнуть готов!»

О взятии Смоленска власти глухо сообщили только 14 августа. Потери французов, конечно, преувеличивались, потери русских, конечно, преуменьшались. Губернатор Москвы вообще додумался заявить, что Наполеон уклоняется от генерального сражения. О том, каким образом великая армия дошла до Москвы, Растопчин, естественно, сказать не удосужился. 17 августа губернатор, как обычно соврал, заявив: «Я жизнью, отвечаю, что злодей в Москве не будет!» 18 августа он объявил москвичам: «Многие из жителей желают вооружиться, а оружия тысяч на десять человек есть в арсенале. Куплено и дешево, на Макарьевской ярмарке. Всякое утро желающие могут покупать в арсенале ружья, пистолеты и сабли. Цены тут означены».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.